

НАША СТРАНА

Editor-Director
VSEVOLOD DUBROWSKY

Casilla de Correo 2847
Buenos Aires Argentina

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual Nº 523.142

Correo
Central B.
Argentina

FRANQUEO PAGADO
Concesión Nº 3930

INTERES GENERAL
Concesión Nº 4233

AÑO IX Buenos Aires, Jueves, 21 de Febrero de 1957

Буэнос Айрес, четверг, 21 февраля 1957 г.

№ 370

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ

НА РОДИНЕ

51. ОПОРА НА КИТАЙ. — ВОЖДИ ИЩУТ ПОПУЛЯРНОСТИ. — МАНЕВР ПОКОЙНОГО АКАДЕМИКА Е. В. ТАРЛЕ. — ЧТО ПОКАЗАЛО ПИСЬМО КАЗЕМ-БЕКА В “ПРАВДЕ”

Падение авторитета СССР в глазах сателлитов и русского народа вынуждает партийных главарей искать поддержки у красного Китая. Поэтому с таким блеском справлялись пребывание в СССР китайской делегации, так кричали о поездке Чу-Эн-Лаю в Варшаву и Будапешт для внушения Гомулке и жалкому Кадару необходимости безропотного повиновения ЦК КПСС. Финалом явилось подписание 18 января в Земле Булганиным и Чу-Эн-Лаем публичной декларации, в которой СССР и Китай протестуют против “доктрины Айзенхауэра”, требуют от Франции, Англии и Израиля “репараций” Египту, поддерживают “борьбу” Азии, Африки и Латинской Америки против “колониализма” (назначение М. А. Костылева означает усиление подрывной работы в Аргентине). Подавление восстания в Венгрии советскими войсками признано “крупной победой дела мира и социализма”. Затем идут угрозы против оборонительных пактов: Северо-Атлантического, Багдадского и Манильского и провозглашается сплоченность “воедино и навечно” СССР и коммунистического Китая и их обязательство “усилить сплоченность всех социалистических государств (т. е. сателлитов) на основе полного равноправия, уважения территориальной целостности, государственной независимости и суверенитета и невмешательства во внутренние дела”. При подписании декларации присутствовали все “вожди” включая Хрущева и Ворошилова, уехавших из поездок, о которых я писал в прошлый раз.

Новостью в церемонии явилось поименное обращение в речах: Булганин начал речь: “дорогой товарищ Чу-Эн-Лай! дорогие товарищи Хэ-Лун и Ван-Цзян-Сян! дорогие друзья!” а Чу-Эн-Лай — обращением: “Дорогой товарищ Булганин! дорогой товарищ Хрущев! дорогие товарищи и друзья!” На банкете пили отдельно за “здравие и долголетие” каждого “вождя”!

В день отлета из Москвы китайская делегация посетила мавзолей и возложила два венка: “Великому учителю революции В. И. Ленину” и “Великому марксисту-ленинисту И. В. Сталину”, дав хозяевам Кремля урок, как титуловать своих идолов, второй из которых опять становится предметом почитания. Вечером китайская делегация вылетела в Ташкент, в сопровождении зам. мин. иностранных дел Н. Т. Федоренко и посла в Пекине П. Ф. Юдина, а оттуда в Индию через Кабул.

В тот же день, 18 января, после шестидневных переговоров в Пекине, министр культуры СССР Н. А. Михайлов подписал с китайским мин. культуры Шень-Ян-Бинем “план культурного сотрудничества на 1957 год”, предусматривающий обмен всевозможными изданиями, делегациями, театральными гастролями и т. д.

Немедленно после отъезда из Москвы китайцев, все важнейшие партийные вожаки разъехались по разным городам для раздавания орденов Ленина республикам и областям и отдельным “активистам” за перевыполнение планов по сельскому хозяйству. Эти поездки имели явно пропагандистский характер и несомненно связаны с разговором о новом пленуме ЦК, который разрешит все спорные вопросы внешней полити-

ки и десталинизации в свете последних событий: затяжного характера венгерской гражданской войны, борьбы против двусмысленной политики Тито и Гомулки, пересмотра плана пятилетки на 1957 год.

Я уже говорил о поездке Хрущева и Ворошилова еще 13 января. Теперь же 18 января Молотов отправился в Воронеж вручать орден Области в лице первого секретаря Обкома и члена ЦК А. М. Школьников, причем оказалось, что там вторым секретарем работает А. И. Марфин, б. член ЦК с 1952 года, вставший в опалу и непереизбранный на XX партсъезде.

В тот же день М. А. Сулов “гастролировал” в своем родном Саратове, где его принимал секретарь Обкома и член ЦК Г. А. Денисов, а А. Б. Аристов — в Челябинске, где его принимал секр. и член ЦК Н. В. Лаптев. Тогда же съехались секретари Обкомов из Свердловска, Кургана и Кустаная. В тот же день Л. И. Брежнев выступал в Омске, принятый с почетом секр. Обкома Е. П. Колущинским. На другой день последовали выступления Н. А. Булганина — в Сталинабаде, Ан. Ив. Микояна — в Ашхабаде, Н. И. Беляева — в Барнауле (откуда прошлым летом его вызвал Хрущев, секретарем ЦК), Л. М. Кагановича — в Красноярске. Все они вручали ордена и произносили довольно банальные речи, хвастая успехами, призывая к новым перевыполнениям всяких планов, заклиная партийных вожаков не “ослаблять внимания к сельскому хозяйству” и сообщая всем известные истины из области агрономии, как, например, следует уваживать поля, кормить во-время скот, полоть сорняки и т. п.

Пожалуй, живее других говорил в Ашхабаде Микоян, вспомнивший свои два первых приезда в Ашхабад: в 1918 году его привезли сюда арестованным с 26 бакинскими комиссарами англичане. Тут он промолчал, что их всех расстреляли, а его почему-то пощадили. Затем в 1919 году он отсюда отправился в Баку для подпольной подготовки свержения мусульманского правительства.

При этих поездках завели новый обычай: при вручении ордена сановник ЦК обнимает и целует первого секретаря Обкома, Председателя Облисполкома или председателя совета министров данной союзной или автономной республики. Каждый из гастролеров оставался на месте два дня, посещая предприятия, совхозы, отличившиеся колхозы, парадные спектакли в театрах, Молотов даже позавтракал на квартире одного рабочего.

Интересно, что Маленкова никуда не послали раздавать ордена, но он сам отправился в свой родной Чкалов (б. Оренбург), где посетил “несмотря на трескучий мороз” совхоз Чебенки, где ему поднесли хлеб-соль сотни колхозников и он поужинал в доме самого старого рабочего (видимо, знавшего его с детства). Вся печать отметила эту поездку Маленкова — явный контрманевр опального при Хрущеве, но не сдающегося любимца Сталина.

Все эти поездки и разбрасывание тысячами совершенно поэтому обесцененных орденов и медалей имеют целью привлечь к себе сердца не столько самого народа, сколько тех местных

партийцев, которые примут участие в предстоящем пленуме ЦК, на котором вспыхнет новый бой между соперничающими группировками. Обращает на себя внимание активность молодых вожаков — Аристова, Беляева, Брежнева, которые не хотят представлять парадные роли в таких поездках старикам — Кагановичу, Молотову, Ворошилову, Хрущеву, Микояну. Каждый из них сколачивает себе в провинции группу, которая сможет его в нужный момент поддержать и парализовать интриги его соперников. Даже жалкий забытый сталинский последний А. А. Андреев отправился в Курск, тоже раздавать всякие награды и “покорять” сердца местных партийных бюрократов.

Между тем недавнее обращение ЦК КПСС и совета министров СССР к колхозникам и колхозницам и работникам совхозов констатирует, после всяких пустозвонных трескучих фраз, что “по головке птицы в колхозах сократилось”, “картофеля и овощей производится недостаточно”, “по кукурузе урожай значительно ниже средних возможных урожаев”. Насчет мяса прямо сказано, что “это самый запущенный участок сельскохозяйственного производства”.

При этих условиях совершенно ясно, что ордена даются не за успехи, а чтобы замаскировать неудачу и поднять популярность партийной верхушки хотя бы в глазах тех тысяч мелких местных бюрократов, которые награждены этими орденами, несколько их не страшущими от возможного ареста. Сколько я перевидал еще много лет назад в тюрьмах и концлагерях этих бывших орденосцев, вспоминавших свои былые триумфы. Дождем орденов и публичными лобзаниями не разрешить нарастающего кризиса, при котором еще неизвестно, чья возьмет и кто на время всплывет на поверхность мутного и смрадного партийного болота?

В ожидании предстоящей сессии Верховного Совета СССР, которая откроется 5 февраля в Москве, обращает на себя внимание поездка маршала Г. К. Жукова в Индию на празднование столетия восстания индусских сил против Великобритании в 1857 году. Это первый случай самостоятельной поездки советского маршала во главе делегации за границу после печальной памяти поездки маршала М. Н. Тухачевского на погребение английского короля Георга V.

В прошлом Жуков только сопровождал в Женеву делегацию, возглавляемую Булганиным и Хрущевым, а теперь он поехал в Индию “сам”, на другой день после отъезда туда же Чу-Эн-Лая. Его сопровождает небольшая группа военных: генерал-полковник Н. О. Павловский, вице-адмирал И. Д. Елисеев, генерал-лейтенанты Н. П. Дагасев и Л. М. Китаев. Для нас интересны не катанье маршала Жукова на слоне, не его тосты на банкетах с обращением: “Ваше Превосходительство, дамы, и господа!”, а его неуклонное продвижение вверх со времени смерти Сталина: сейчас же после его кончины, Жукова с поста Командующего Северо-Уральским Военным Округом в Свердловске назначают заместителем министра обороны СССР Н. А. Булганина, после замены Маленкова Булганиным на посту премьера, Жуков становится министром обороны в феврале 1955 г., а на XX съезде партии, ровно два года спустя, он из кандидатов ЦК не только переходит в его члены, но и выдвигается кандидатом в члены президиума. В случае выбытия любого из членов президиума он станет автоматически на его место, а пока добился того, что его посылают самостоятельно за границу для ведения контрманевра против “доктрины Айзенхауэра”, как это

В НОМЕРЕ:

Алексей Ростов
НА РОДИНЕ

А. Ламберт
ЖИВОЕ СЛОВО

Д-р А. К.
НОВЫЙ ГОД

Борис Ширяев
МОРАЛЬНЫЙ КРЕДИТ
ДЕМОКРАТИИ

М. М. Спасовский
БЕГЛЕЦ ИЗ СОВЕТСКОГО РАЯ

Н. Поточкин
МУЖИЦКИЕ СТОНЫ

Михаил Бойков
БИТЬ ТРЕВОГУ!

LO QUE SIGNIFICA EL LIO
DE MOSCU

видим из его речей, направленных против наивного президента, верящего, как жетя, до сих пор в дружбу коммунистического маршала.

Посмотрим, как сложатся отношения между соперниками на Сессии Пленума ЦК и на предстоящей сессии Верховного Совета СССР?

Во второй половине января состоялось в Москве совещание по общественному питанию, заседавшее в Кремле, при участии вернувшихся с гастролей Булганина, Хрущева, Микояна, Ворошилова, Молотова, Сулова и полупопального Сабурова. После докладов мин. мясо-молочной промышленности РСФСР Н. Ив. Смирнова, председ. Центросоюза Ал. П. Климова и секретаря ВЦСПС Н. Ив. Поповой, в прениях выяснилась жуткая картина состояния столовых. Секретарь Алтайского Крайкома партии С. Р. Стрельев заявил, что на целинных землях столовые даже по левому типу строятся крайне медленно и пригнанные сюда новоселы варят пищу в своих бараках или у костров в страдную пору. Зам. министра просвещения РСФСР Л. В. Дубровина сообщила, что даже в крупных городах, как Свердловск, Горький, Куйбышев, нет горячего питания в школах. Много горьких истин послушали вожди на этом совещании, из которого ясно, что положение через 11 лет после войны не лучше того, что мы видели своими глазами накануне ее в провинциальных столовых и “фабриках-кухнях”.

Оригинальное совещание созвал в Госэкономкомиссии ее новый председатель М. Гр. Первухин: он начал с собрания ее парторганизации, т. е. сразу показал, что всякие беспартийные планы отходят на задний план. Но газетные сообщения об этом строго партийном собрании подтверждают мою догадку, известную из предыдущих статей, что последний Пленум ЦК учинил разгром этого сабуровского ведомства. Первухин заявил, что составленные годовых планов “плохо организовано”; необходима “коренная перестройка работы Госэкономкомиссии”. Целая куча подхалимов сейчас же заявили, что они до сих пор все плохо планировали, а теперь обещают, как честные коммунисты, выполнить все новые директивы Первухина. Нравственное убожество московских партийцев ярко сказывается в этих обычных покаяниях, из которых явствует, что они

за 40 лет революционного хозяйничанья партии так и не научились работать и все должны исправлять как-то свои промахи и ошибки.

25-го января открылось при Московском Горкоме партии под руководством Е. Ал. Фурцевой "Совещание актива театральных работников столицы". Доклад сделал начальник управления культуры Моссовета К. А. Ушаков, который жаловался на отсутствие хороших новых пьес, на отсутствие интереса к советскому репертуару, говоря о "нездоровом" влиянии западного театра и о борьбе партии за "идейную чистоту репертуара". Фурцева и партийные актеры Н. В. Ильинский, Н. П. Охлопков и М. И. Царев требовали "воспитать в артистах и в зрителях чувство нетерпимости к попыткам проникновения на нашу сцену чужой идеологии". Словом, и в этой области ясно виден возврат к сталинщине с пресечением даже робких попыток культурного сближения с Западом.

При этой мрачной картине народной нужды, духовного гнета и партийного словоблудия приятно бывает мне всякий раз, когда попадешь на хорошую книгу, сумевшую проскочить советские цензурные рогатки. Мне на днях довелось прочесть последние две вполне научные, но популярно написанные работы умершего в прошлом году академика Е. В. Тарле: "Адмирал Ушаков на Средиземном море. Воениздат. Москва 1948 г. 184 стр." и "Экспедиция адмирала Д. Н. Сивявина в Средиземном море. Воениздат. Москва 1954 г. 166 стр."

Много пришлось покойному академику пресмыкаться и подличать в период своего заключения с января 1931 по август 1932 г., затем в ссылке в Алма-Ате и по возвращении в Москву, чтобы "реабилитировать" себя и снова вернуть себе утраченное звание академика и профессорскую кафедру, но впоследствии всегда пытался помочь своим бывшим ученикам в ссылке и в своих работах старался воскресить в памяти молодежи славные страницы истории русской монархии. В первой работе он осторожно рисует мудрую политику Великой Екатерины и доблесть адмирала Ушакова и его сподвижников, включая молодого Д. Н. Сивявина. Во второй он показывает последнего, как блестящего флотоводца и дилемата, сумевшего выйти из трудного положения, созданного для воевавшей

против Наполеона русской эскадры после Тильзитского мира. Он показывает нам причины, побудившие Императора Александра I пойти на Тильзитский мир и невозможность для него одобрить гласно маневры адмирала Сивявина, направленные против нового союзника. Но советские условия требуют от каждого автора выпада против царя и потому он вынужден обвинять Государя в увольнении Сивявина в 1812 году в отставку "по интригам французского авантюриста — морского министра маркиза де-Траверсе".

Очень интересны его данные о намерениях декабристов включить в состав "Временного Правления" адмирала Сивявина наряду с адмиралом Мордвиновым и Сперанским, чтоб прикрыть свои революционные замыслы наиболее популярными именами, к которым прибавляли генерала Ермолова. Тарле приводит показания Бестужева, Пестеля, Сергея Муравьева-Апостола, Давыдова, но добавляет, что Сивявин не пострадал, хотя говорил Кочубею, что знал о замыслах каких-то заговорщиков использовать его имя без его согласия. Из дальнейшего рассказа видно, как Николай I-й призвал Сивявина из отставки и поручил ему вести эскадру на помощь грекам. Старый адмирал довел флот до Англии, но заболел и сдал командование адмиралу Лазареву, а сам вернулся в Россию, где год спустя умер от церроза печени.

Обе работы рисуют в благородном виде не только славных адмиралов, но и государей, а потому для маскировки своего отношения к своим героям и цитируемым им документам, извлеченным Тарле из государственных архивов, Евгений Викторович прибег к понятной для читателей хитрости, заявив в заключительных строках, что "адмиралы Ушаков, Сивявин, Нахимов, Макаров были оценены только в советское время". Читатели в России знают, что не большевики, а русские цари воздвигли памятники адмиралам Корнилову и Нахимову в Севастополе и адмиралу Макарову в Кронштадте, что только под знаменем русских государей флот дал нам прославленных флотоводцев, а с 1918 года советский флот не может назвать ни одной своей победы и не дал ни одного достойного флотоводца хотя бы за годы последней Мировой войны!

16-го января, в "Правде", на 4-й странице, опубликовано длинное и довольно пакостное письмо в редакцию А. Л.

Казем-Бека. Он сообщает, что прибыл недавно в СССР и хочет поделиться с советскими читателями впечатлениями о 38 годах прожитых в эмиграции. Вступив добровольцем в Белую Армию, он в 1919 году "бежал" за границу и "включился в антисоветскую работу: клеветал на свою родину и ее лучших (?) представителей, предавая самое драгоценное и святое, что есть у человека — чувство любви к родине". Затем он заявляет, что создал и возглавил в 1924 г. "Младоросскую партию", имевшую задачей возродить буржуазный строй в нашей стране. Далее он кается в получении материальной поддержки у "империалистов" за очередную клевету. Но затем, под влиянием "советских достижений", он в 1939 г. "отошел от антисоветской деятельности". Казем-Бек признает, что в 1940 г. выступал за советскую политику; в 1941 г. распустил своих "младороссов" и стал проводить советскую агитацию в печати, за что был арестован французскими властями (при Петэне), но вскоре выпущен, и уехал в Соединенные Штаты, где работал в годы войны в контакте с советскими органами, за что его много раз обыскивали и допрашивали.

Казем-Бек вынужден признать, что его коммунистическая пропаганда не мешала ему быть профессором Коннектикутского Колледжа, сотрудничать в "прогрессивных" газетах и быть материально вполне обеспеченным. Ему, якобы, не позволяли выехать в СССР, а потому он обманул американские власти, получив паспорт для поездки в Швейцарию для лечения. Оттуда поехал в СССР, куда прибыл в конце 1956 года. Теперь он станет советским журналистом и будет "изобличать глубокую испорченность и нравственное разложение всех сторон общественной жизни: от музыки до спорта, от семейной жизни до отношения к науке, от понимания религии до подхода к международной жизни" той страны, которая 15 лет (1941-1956) оказывала ему гостеприимство, когда его выпустил маршал Петэн из тюрьмы, где Казем-Бек сидел за просоветскую пропаганду.

Нам не интересен моральный облик этого мелкого по существу предателя интересов русского народа, нанявшегося на старости лет в редакцию "Правды", но я так подробно передал эту "исповедь Иуды", чтобы показать, что ему не велели писать о программе младороссов. Всем в эмиграции известен их лозунг, принятый младороссами

по приказу своего маленького "фюрера" Казем-Бека ("вождь") — "Царь и Советы". Что же он теперь врет на самого себя, уверяя, что младороссы проповедывали "восстановление буржуазного строя". Ему не велели говорить, что он был за "Советы" и никто его на Западе за это не преследовал, а империалисты даже деньги платили. Тем более, он не смеет написать, что он был за Царя, что за границей есть и сейчас, и был в 1924-39 г.г., законный Наследник Русских Государей, которому Казем-Бек клялся в верности. Вот в чем ему надо было сознаться перед советскими читателями, которые этого не знают.

Этого предателя не велели писать его новые хозяева: можно ругать американцев в советской печати, можно хватать арестом за советскую пропаганду во Франции против ее правительства, можно называть себя клеветником раз десять на протяжении своего покаянного "письма", но одного не позволит генерал армии Серов, агентом которого был Казем-Бек еще в Соединенных Штатах: это поведать народу о Русском Царе! Назвать имя Главы Императорского Дома! Покаяться в создании, пусть лубочной, но все же по имени, монархической партии!

Этого ведь засевавшая в Кремле шайка боится, как черт ладана! Никакие "достижения" захватчиков власти и царевубийц, перед которыми пресмыкается Казем-Бек, не заставят русский народ забыть своих Государей. Что будет, когда "там" действительно узнают, что за границей жив и здоров, верен вере и заветам своих державных Предков законный наследник Русского Престола Великий Князь Владимир Кириллович? Что Он не одинок, что есть органическое движение народных монархистов, что оно издает свою печать: газету и книги, что оно может ответить на вопрос, каково будущее оно намерено предложить на решение русскому народу!

Читатели простят мне, что я потратил столько строк на мелкого предателя, сделал я это потому, что его письмо нам ставит задачу: суметь довести до сведения русского народа то, что не сказал Казем-Бек и что ему приказали скрыть — наличие движения не "реставраторов" буржуазного строя, а исторически обоснованной, понятной и близкой всем слоям нашего народа, всем старым и еще более молодым нашим землякам Народной Монархии.

Алексей Ростов

А. Ламберт

ЖИВОЕ СЛОВО

(О КНИГЕ Г. ЗОТОВА
"Я ПОБЫВАЛ НА РОДИНЕ")

Немцы спросили пленного красноармейца, нравится ли ему германская антисоветская пропаганда на русском языке. Парень в простоте душевной воскликнул:

— Ну, ни к чорту!

Немцы обиделись и поинтересовались, как он вообще понимает пропаганду. Тот ответил:

— А это, когда врут.

Во время войны врал все, в том числе и англичане. Но "англичанин хитрец, чтоб в работе помочь, изобрел"... слово "информация", которым и заменил в своем официальном обиходе слово "пропаганда", великодушно предоставив ею пользоваться врагам и своим заклятым союзникам — большевикам.

В Англии, как и у немцев, было министерство пропаганды, но называлось оно "Министерством Информации". И даже сами немцы, подслушивая английское радио, верили сообщениям этого министерства больше, чем отечественным. Потому что, пусть вражеская, но все-таки информация, а не (провались она!) пропаганда; потому что устами подсоветского парнишки глаголила истина, затаенная в умах сотен миллионов людей.

Дело, разумеется, не только в названиях. Как бы ни называлось, например, что повествуют сейчас о большевиках, о СССР, это правда, и подавляющему большинству это ясно. А все-таки, почти все более или менее равнодушно. Почему? Да, надоело слушать и читать одно и то же. Ведь, и правдой можно надоест, если замкнуть ее в пропагандную рутину.

Многие из наших искусных публицистов, как-то забывают о читателе; забывают, что затасканные темы, выражения и слова, как бы они ни сверкали — мертвы, а читатель, даже "стопроцентный" антикоммунист, кроме того, еще и просто живой человек и отзывается только на живое слово.

Так, уж лучше совсем не писать, когда иначе не выходит. Если "стопроцентный" не станет читать красноречивую болтовню, это куда ни шло. Беда, если мы таким путем отучим читать "пятидесятипроцентных", ради которых, казалось бы, и стоило больше всего стараться.

В свете такого рассуждения, особым блеском выделяется книга Георгия Зотова "Я побывал на Родине". Не зная автора трудно судить о том, продумал ли он и понял ли заранее, как ему, в его положении, следует написать эту книгу, или все вышло "само собой". Так или иначе, его информация — пример того, как нужно писать об СССР и его населении.

Зотов не писатель, а "обыкновенный очевидец" и книга его лишена литературных претензий; она написана простым, грамотным, доступным каждому читателю, русским языком.

Георгий Зотов (псевдоним) — молодой человек и никогда не видел Родины, зная ее лишь по рассказам и литературе. Он французский гражданин, полюбивший во время войны "островку", женившийся на ней и согласившийся ехать с ней на край света, каковым по счастливому совпадению, оказался его родиной. После войны он туда и поехал с молодой, уже ожидавшей ребенка, женой, истосковавшейся по матери.

По советскому закону, а точнее — беззаконию, Зотов имел право сохранить в СССР свое французское подданство безо всякой гарантии личной неприкосновенности. А жена и ребенок, в любом случае, считались советскими

гражданами с еще меньшей гарантией неприкосновенности. Когда же отсутствие такой гарантии стало отчетливо вырисовываться, оба попытались спастись от чекистского удава на службе во французском посольстве, в результате чего советские власти предписали Зотову в 24 часа покинуть пределы СССР. Жена с ребенком осталась и след обоих пропал...

Вот документальная канва трагедии, по которой проходят впечатления автора. Шаг за шагом он ведет за собой читателя по советским ухабам и показывает людей, обстановку, обычай и порядки с такой правдивостью, на какую способны только люди с большим и честным сердцем.

Эта книга и есть то новое, живое слово, которое одинаково мило всем, как очевидцам "советского рая", так и счастливцам его наблюдателям со стороны.

Как часто нам приходится сталкиваться с мнением, что "советские", это уже не русские, а какой-то другой народ, особой, чуждой нам души и формации! Нелепо было бы, конечно, отрицать разницу в воспитании и поведении "старых" и "новых", но еще нелегее видеть в этой разнице знак какого-то национального вырождения.

Конечно, только подсоветская женщина способна была избить Зотова в железнодорожной свалке, но только русская могла после этого просить прощения и "сжимаясь в комочек" уступить большую часть отвованного места его жене с ребенком.

Книга Зотова изумительна тем, что безо всяких комментариев и рассуждений, одним лишь бесхитростным повествованием она возбуждает удивление не тем, как изменился русский народ под игом советской власти, а как он сохранился.

Француз по воспитанию и привычкам, не философ, не политик, автор с большей убедительностью, чем иные опытные "инженеры душ" реабилити-

ровал подсоветского человека, с завидной убедительностью показав, что в советской системе человек не может быть иным, чем мы его видим и знаем с отрицательной стороны, и с другой стороны показал, каким хорошим может быть русский человек наперекор сорокалетним стараниям превратить его в скотину.

Книга Георгия Зотова прочитывается залпом, от нее нельзя оторваться. И издание ее "Свободным Голосом" делает честь редактору Ю. Большухину, сумевшему оценить взрывчатую силу такой книги в борьбе с пресловутым "михайловским комитетом". Однако, значение книги выходит далеко за пределы этой борьбы и справедливость требует отметить единственный, но очень крупный недостаток книги: ее нельзя купить. Она не продается, а при ограниченном тираже распространяется бесплатно.

Нам трудно подвергать критике такой способ издания, не зная причин и обстоятельств, побудивших отказаться от "рыночного" распространения книги. Ограничимся поэтой сожалением и пожелаем увидеть эту книгу во втором издании — общедоступном.

А. Ламберт

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА ГАЗЕТУ
"НАША СТРАНА"

Контра газеты "Наша Страна" очень просит г.г. подписчиков, имеющих возможность внести подписную плату за полгода или за год вперед, сделать это незамедлительно.

Это значительно облегчит те затруднения материального характера, с которыми связан выпуск каждого номера.

Др. А. К.

НОВЫЙ ГОД

Конец 1956 года был насыщен политическими событиями первостепенной важности:

САСШ выбирали своего президента, и последние месяцы прошли под знаком предвыборной кампании, — Суэцкий вопрос и иудо-франко-английская интервенция в Египте, — Венгерское всенародное восстание.

Анализируя все эти события, пришедшие к концу года, нам, тем не менее, кажется более целесообразным означать их, как начало нового политического года, 1957-го и не только нового политического года, но также и возможности выкристаллизования каких-то новых политических концепций, не говоря уже о надежде на то, что в связи с этим должен был бы произойти и какой-то пересмотр исходных точек мировой политики. Для такого пересмотра до сих пор недостатка в поводах не было, а, наоборот, — полное к тому нежелание. Если же цели политики свободного мира служат добру в христианском его понимании, то несомненно, такому пересмотру подоспел какой-то крайний срок. Ибо, если последнего не случится по доброй воле, то случится в силу императивных моментов и в результате этого — несомненно — неизбежен и полный крах политики свободного мира.

Эти императивные моменты дают себя чувствовать все более и более и не только в политической сфере свободного мира, но также и мира поработанного, где они подчас проявляются с большей силой. Несомненно, однако, что оба лагеря полны «неразрешимых вопросов», как во внутреннем, так и во внешнем аспекте. Ввиду того, что внешнеполитическая инициатива в руках коммунистического мира, положение его во внешнем аспекте более благоприятное. Но этот мир чреват внутренними вопросами, принимающими все более и более императивный и категорический характер. В этом — его органическая слабость, сила же его — в моральном разложении стран свободного мира и в расплывчатости и децентрации политики их.

По поводу мировой политики хочется уточнить, что наша российская концепция таковой ничего общего с концепцией Запада не имеет, или же имеет очень мало. Нашей политике свойственна какая-то доля идеальности, мы исходим из простого и неуклюжего построения, что в мире существует зло, именуемое коммунизмом, и борьба с этим злом есть долг не только политика, но и каждого рядового человека. И хотя это зло распространилось на территории России, захватывая постепенно и другие народы, мы справедливо полагаем, что территориальными признаками зло это не исчерпывается и что это зло — это не только наше национальное российское бедствие, но также и общемировое. Это — наша основная политическая концепция. И эта концепция до сих пор коренным, или весьма значительным образом с концепцией западных политических лидеров и расходилась. Мы это зло квалифицировали и продолжаем квалифицировать как зло абсолютное, в то время как Запад всеми силами и с каким-то удивительным упрямством старается найти и находит не только возможность сосуществования с этим злом, но и несомненное созвучие по многим вопросам внутренней и внешней политики.

И уяснив себе таким образом политическую картину, мы не сможем не уяснить себе и тот факт, что ввиду всего этого от нашей политической схемы трудно и ждать какой-либо гибкости. И тут же сразу добавим: таково свойство всякой прямолинейности. Ибо путь Национальной России был всегда таковым и выбора у нас нет. И несмотря на всю кажущуюся политическую бедность нашу, мы богаты нашим прямым национально-историческим путем, русским путем. Наше политическое богатство — там, на Родине, где несмотря на все кажущееся засилье зла и непроходимое отчаяние, нашему духовному оку открываются сохранившиеся, вопреки всему, два основных фактора триединой российской государственности:

Святая Православная Церковь (подпольная) и Русский народ.

Эти два краеугольных камня российской государственности несомненно живы и жизнеспособны. И несмотря на все, поистине, бесовское и систематическое гонение и истребление их, и Православная Церковь, и Русский народ пережили смуту, пережили нашествия Титлера, пережили, наконец, Сталина и теперь, после всех этих страшных испытаний, предстоит им несомненно пережить и еще нечто, но по сравнению с прошедшим, значительно меньшее. Но когда мы говорим об этом еще предстоящем периоде, мы должны учитывать то, что грядущему возрождению Национальной России противопоставлены не только внутренние, неизжитые еще силы зла, но также, и в значительной мере, и враждебные нам тенденции мировой демократии. И должно сразу же сказать, что этот внешний фактор, который мы по прямолинейности политики нашей считали ранее союзным, окажется не менее враждебным, чем внутреннее зло. Это те силы зла, каковые академик П. Б. Струве назвал «почвенными силами угнетения» и, говоря о российской смуте выразился дословно так: «... социалистическая революция XX-го века есть грандиозная реакция почвенных сил принуждения против таких же почвенных сил свободы в экономическом и социальном развитии России и ее народов».

Эти почвенные силы зла и есть та фатальная устремленность нашего века, каковая и является источником созвучия двух, казалось бы, различных мировых систем. И хотя на Западе силы эти и не приняли столь очерченных государственных форм, тем не менее в той или иной форме они существуют и там под прикрытием всевозможных широковетвистых демократических фраз. Говоря о демократии, мы и полагаем в свете всего этого, что по существу, в мировом пространстве ее не существует. И то, что раньше и теперь называлось и называется демократией и демократической государственностью, есть не что иное, как скрытая за этими пустыми и лживыми фразами антихристианская, богоборческая государственность. И если это богоборчество на «христианском» Западе рядилось во всевозможных окрасках и покровах пристойные на поверхностный взгляд ухватывая, то в восточной демократии богоборчество это возведено в догму. А так как Государство Российское было прежде всего государственною христианской и православной, а таковую государственность мы и поставили нашим идеалом восстановить, то нет никакого сомнения, что плыть нам придется против течения и помогать нам никто не будет.

В свете этого и становится понятным отношение «свободного мира», предельно насыщенного «почвенными силами зла», к представителям этих же самых сил, поработивших наше отечество.

Венгерское всенародное восстание против сил угнетения самым недвусмысленным и красноречивым образом и иллюстрирует действительное отношение демократических лже-пророков к таким бы-то ни было народным освободительным движениям, не говоря уже о других не менее красноречивых примерах прошлого.

Венгерские события по существу нам не сказали ничего нового, являясь обыденной практикой на всем протяжении коммунистической империи и потенциально возможными в том или ином масштабе в любое время. Так, в лагерях рабского труда СССР количество заключенных в два раза, приблизительно, превосходит все население Венгрии, не говоря уже о том, что до сего времени коммунизм унес в России от 40-50 миллионов жертв. В сравнении с этими страшными цифрами, венгерские потери в крови и слезах — капля в море русской крови и слез. Этим мы не хотим никоим образом умалить значение венгерских жертв: пусть эти жертвы будут каплей, переполнившей чашу Божьего долготерпения. Ранее мы полагали, что Запад всего этого не знал и не уяснял себе. Теперь же, в свете какой-то нашей политической зрелости, мы себе уясняем, что обо всем этом Западу было известно. Вся разница лишь в том, что ввиду положения Венгрии на периферии коммунистической империи, события эти скрыть было невозможно и они приобрели мировую огласку. В том же, что события эти Западу в какой-то мере и неудобны, и нежелательны — тоже кажется не приходится особенно сомневаться. Ибо

венгерские события есть какая-то неопытная правда, которой Западу, по понятным причинам, не очень приятно посмотреть в глаза, ибо, посмотрев в глаза одной правде — придется смотреть и остальным.

Теперь мы убеждаемся в том, что не только Русский народ был забыт: была также забыта и Венгрия в ее неравной борьбе с мировыми силами угнетения, как будет забыт и всякий другой народ, который попытается порвать этот бесовский порочный круг.

Но несмотря на все, мы знаем, что венгерский народ не был одинок: его союзник — миллионы поработанных людей, в том числе и прежде всего — Русский народ, который, несмотря на всю противоречивость обстановки, и по признанию самих же венгерских борцов за свободу, и был их единственным союзником. В этом мы и видим несомненный радостный символ, каковой и означает начало новой эры в жизни поработанных народов и укажет им путь грядущего освобождения их. Есть все основания полагать, что несмотря на трагическое окончание венгерской эпопеи, это всего лишь передышка перед новой и окончательной схваткой поработанных народов с мировыми силами угнетения.

В несколько ином аспекте предстоят нам события на Среднем Востоке, каковые события следует рассматривать тоже как составную часть освободительной волны все более и более захватывающей мир, в данном случае, в аспекте так наз. «антиколониализма». Антиколониализм стал нынче опасным обобщением, как «феодализм», «капитализм», «демократия» и пр. превратившись в ходкие клише, каковыми и злоупотребляют всемерно в нашей публицистической практике. Тем не менее, объективно, колониализм и антиколониализм являются несомненным историческим феноменом конца нашей эпохи. Наряду с марксизмом и социализмом вообще, и как и последние, он несомненно изживает себя, и как реальность, и как идея. И в этом изживании и заключается современная сущность этой проблемы прошлого, будущее каковой — в национальной и политико-экономической суверенности этих стран в рамках международной солидарности и справедливости.

В эпоху общемировой моральной расплывчатости, восточный мир предстоит нам как нечто целостно-нерасчленимое, сохранившее и национальную чистоту свою, и веру отцов. С другой стороны политическая неискренность этого мира может составить глубочайшую проблему. В конкретном египетском примере «антиколониализм» оказался добрым коньком, впряженным в коммунистическую бричку. Министр иностранных дел СССР и был как раз тем «волком в овечьей шкуре», за которым и пошел Нассер. И должно предположить, что, увидившись, тов. Шепилов не соблазнял египетского диктатора видениями будущего «социалистического рая», наоборот, Нассеру было предоставлено дивное видение «свободных» арабских государств, и он, Нассер — «вождь» этого мира... Действия же Нассера ничего, конечно, общего с «соблазненной невинностью» не имели тем не менее в них не трудно заметить не только «зарвавшегося диктатора», но и какие-то несомненно справедливые устремления и заветные чаяния восточного мира.

И если рассматривать египетские события, то необходимо сразу же заметить, что позиция «свободного мира» и к этому освободительному движению остается неизменно враждебной. Последнее относится главным образом и в первую очередь к классическим демократам — Англии и Франции, значительная и большая часть прогресса которых и обязана главным образом тем сырьевым богатствам, которые они черпали из стран Среднего Востока. И в наши дни мы свидетели того, с какой поистине поразительной быстротой демократии эти с самых их «вершин» скатываются на положение самых недвусмысленных эксплуататоров и приживальщиков. Несомненно пришло время признать, что раз уж исповедуешь столь излюбленную ныне демократию, то исповедывание это справедливо и необходимо распространить на всех, елико возможно, поровну. В основу же пресловутого прогресса демократической Европы как раз и легло политическое и просто всех видов рвачество.

где только и как было возможно. И распахав все это по своим бездонным карманам, господа эти на весь мир кричали захлебываясь о «неотъемлемых и священных правах» и прописали человека с большой буквой.

Все это — результат не только «глупости и жадности», но и политического дилеттанства и созвучного ему упрямства, свойственного всякому невежеству вообще, а невежеству демократическому — в частности. Все это также и в духе того основного момента, каковой мы и обозначили как насыщенность мира силами зла, каковой момент незримо присутствует при всех современных актах мировой политики, как бы витая и осеняя собой все наше заведенное в тупик безвременье.

В свете всего этого мы только и можем как-то уяснить себе политику «свободного мира», ибо обыкновенной человеческой логике уяснение это — не подвластно. Это — нежелание идти прямым путем, это — фикция и гибриды, с каковыми так упорно и носятся лидеры современной демократии, пытаясь соединить и приблизить противоположные полюсы и примирить овец с козлищами. Порочность этого пути и вскрывается ежечасно то тут, то там, и становится все более и более ясной. Нам она, положим, всегда была ясна.

И даже при теперешнем ее еще большем уяснении, понадобится еще много времени и усилий для выпрямления этого кривого пути. А в случае неуяснения, императивным моментом, кажется нам, будет неизбежный и полный крах политики «свободного мира».

На фоне враждебности европейских демократов к египетским событиям, позиция САСШ предстоит нам если не благожелательной, то по меньшей мере, нейтральной. Позиция эта и послужила, по словам другого нейтраллиста и антиколониалиста — Неру, базой сближения между ним и през. Айзенхауэром.

Для неискушенных в политике восточных народов, наибольшим злом являются их поработители, и они восстали и восстанут против них с не меньшей силой, чем венгерский народ, восставший против поработителей его — колониалистов коммунистических. И это литическая линия современности, которая все более и более обозначается во всех ее аспектах. Результат действия этих мировых почвенных сил свободы против таковых же угнетения и проявился одновременно с особенной ясностью в двух различных пунктах ущемления этих свобод: в Венгрии, и в Египте. И хотя эти события и случились в конце прошлого года, тем не менее мы их символически ставим в начале нового политического года, считая их несомненным поворотным пунктом политической мировой линии. До уяснения этой реальности пройдет еще немало времени, но императивность ее — несомненна, тем более, что развязка может быть и очень близкой, и очень быстрой.

К моменту египетских и венгерских дел в САСШ происходили выборы президента. Обращает на себя внимание доковое совпадение всех этих событий — все как бы подогнано к одному сроку. В нашей печати распространилось мнение, что это совпадение оказалось действительно роковым для конечного исхода венгерского восстания. Кажется же более вероятным предположить, что, независимо от других одновременных событий, конечная судьба венгерского восстания была predeterminedena принципиальным к нему отношением свободного мира, а не его одновременностью с другими событиями. С другой стороны, нет сомнения, что средневосточные дела для Запада оказались более насущными, чем какие бы то ни было и где бы то ни было восстания.

В САСШ помимо переизбранного президента Айзенхауэра и вице-президента Никсона, не было приемлемого кандидата. О конечном результате американских выборов ни у кого кажется сомнений не было. Хэрст писал, что в этих выборах «победит личность, а не партия». Судя по реакции наших «русско-американских» кругов, результат выборов полностью совпал с их ожиданиями. С переизбранием на новое четырехлетие наибольшего из всех «европейца» — Айзенхауэра, предопределяется как бы и внешне-политическое направление САСШ на новое четырехлетие.

Мы помним, что в предвыборной кампании его на первое еще четырехлетие

Борис Ширяев

Моральный кредит демократий

Несколько более ста лет тому назад пламенный российский демократ А. И. Герцен вырвавшись из страны, названной им "тюрьмой народов", в вожделенные для него свободные демократические страны и рассмотрев их вблизи, в упор, без тенденциозных очков, — с негодованием, презрением и брезгливостью отвернулся от того, что считал своим политическим идеалом и чего он хотел для своей, действительно горячо любимой им родины — России. В те же года аналогичный процесс произошел и в сознании другого пламенного основоположника российской демократии В. Г. Беллинского, которому лишь быстро наступившая смерть помешала выразить в более резкой форме то же, что писал А. И. Герцен в своих "Письмах с другого берега".

Это было более ста лет тому назад, когда сами европейские демократии были еще молоды, полны жизненных сил, объята устремлениями к их идеалам, когда их вожди еще не были отравлены стремлением к власти, когда парламентско-представительная система была еще радикальным политическим методом, а не черной биржей политических спекулянтов и не кабаком, как теперь, когда слово коррупция не было еще рождено ни в одном языке. Что бы сказали те же пламенные, искренние и безусловно честные перед самими собой революционные демократы А. И. Герцен и В. Г. Беллинский, если бы они попали в среду современной европейской демократии, а не в ее среду конца сороковых годов прошлого столетия? Думается, что в этом случае их горькие, саркастические фразы превратились бы в утробный, живогный вопль, вопль людей, под ногами которых проваливается земля и на головы которых рушатся своды храма обожествленного ими, но... обманувшего их лживого кумира. Они пережили бы как раз то, что переживает сейчас рядовой демократ стран, попавших за Железный Занавес, вернее, вытолкнутых демократией за эту роковую грань, проданных ею за бесценок ради укрепления торговли с людомоем.

Я пишу эту статью под свежим впечатлением сообщения радио о том, что Австрия и Югославия заявили о пре-

1952-56, ген. Айзенхауэр делал особый упор на внешнеполитический момент вообще, в частности же, нас особенно интересует то, что в отношении поработанных народов им были сделаны самые недвусмысленные декларации. По сути этих деклараций демократический кандидат Стивенсон выступил с весьма резкой критикой, имея в виду неисполнение президентом Айзенхауэром его обещаний, данных поработанным народам. За последнее четырехлетие для поработанных народов в сущности ничего сделано не было. По этому пункту критики Стивенсона с ним можно вполне согласиться. Однако мы убеждены, что демократический кандидат Стивенсон сделал бы и того менее, т. е. ничего. Вся демократическая кандидатура оказалась сплошной грязью и, в полном смысле этого слова, керенщиной. И эта демократическая грязь особенно теперь вышла наружу. Нужно не забывать, что в лице Трумэна, которого теперь печать САСШ называет "человеком малой мысли", мы имеем бывшего президента САСШ, в руках которого находились судьбы не только Соединенных Штатов, но и всего свободного мира. Надо только удивляться, что эти судьбы были отданы в руки "человека малой мысли", избранного как "лучший из лучших", как то и значится в демократическом катехизисе! Совершенно прав Н. Н. Чухнов, который в своей замечательной статье "К американцам русского происхождения" ("Знамя России" № 147) сказал: "...наблюдение за политической жизнью САСШ имеет для русской эмиграции и другое громадное значение: оно рассеивает мираж политических систем западных демократий и все более убеждает нас в неизбежности идей Российской Самодержавной Монархии".

Думается нам, что по существу американских выборов лучше не скажешь и на этом мы и закончим нашу статью.

Др. А. К.

Бразилия, 1957

крашении ими приема на свои территории ищущих политического убежища венгров, беженцев из Венгрии.

Как перевести эту сухую газетную фразу на язык реальной жизни? Она означает на нем, что вынужденный спасать свою жизнь рядовой мадьяр — рабочий, студент, крестьянин или интеллигент — нередко с женой и детьми, прорвавшись с неоспоримым риском для жизни сквозь кордоны авошцев Кадара, чудом перейдя минированные поля и достигнув, наконец, спасительной для него границы, откуда доносятся пламенные слова сочувствия его единомышленников, встретит там... направленный в его грудь штык и услышит окрик:

— Вертай обратно! Таких мы к себе не пушаем!

Это короткое сообщение радио означает, что двери мадьярской тюрьмы, кадаровско-серовского застенка, охраняются теперь двойным караулом: внутренним и наружным, причем наружный караул, не допускаящий освобождения томящихся в застенке узников, состоит из их политических единомышленников.

Много было в нашем русском прошлом... Но такого не бывало! Не бывало в российской монархии того, чтобы монархическое правительство великих князей киевских, царей ли московских, императоров ли всероссийских отказывалось впустить к себе и спасти от преследований гонимых братьев и родичей, а порою даже иноземцев, иноверцев, как это, например, было в конце прошлого века с дунганями, китайскими мусульманами, подвергшимися на своей родине преследованиям со стороны китайцев-буддистов. Этих дунган в количестве восьмидесяти тысяч семей царская Россия приняла, расселила, экономически укрепила и предоставила им равные со всеми остальными гражданами политические права. Она сделала это не в силу каких-либо политических целей, но исключительно из чувства простого человеческого сочувствия, которая жила в душе ее верховного правителя — Государя Императора; реальной совести, которая обретается в душе каждого отдельного человека, но не иллюзорной, невесомой "общественной совести" демократических коллективов, которой в природе нет, не было и никогда не будет!

Однако, было бы большой ошибкой направлять упрек в отсутствие совести только к стороне демократической Австрии и национал-коммунистической Югославии. Эти государства, по крайней мере Австрия, сделали все, что могли, для помощи гонимым и преследуемым мадьярам. Австрия мотивировала свой отказ материальной невозможностью для нее, маленького, лишнего производственных ресурсов государства, содержать хлынувшую через границу толпу беженцев, достигшую в целом уже ста восьмидесяти тысяч человек. Это вполне понятно и в значительной мере оправдывает правительство Австрии: невозможно же давать даже и ближнему своему кусок хлеба, которого у тебя самого нет. Но ведь спасая свою жизнь венгерские беженцы возлагают свои надежды не только на австрийскую, но на мировую демократию. Именно к ней зывают они со своих радиостанций, именно ее просят они о хотя бы не военной и даже не дипломатической, но просто христианской, общечеловеческой поддержке, о куске хлеба и крыше над головой. Неужели сверхмощная мировая демократия не может им дать и этой ничтожной милостыни? Почему, когда речь заходит о материальной помощи венгерским узникам, то те же САСШ отделиваются жалкой подачкой в двадцать миллионов, то-есть, двугривенным, выброшенным из шилетного кармана богача, а прочие демократические коллективы обходятся в том же случае медяками, а то и просто ничем: "Господь подаст"! Самое объединение мировой демократии, то-есть все свободные демократические страны вкуче (ООН), например, выражают свою помощь венгерским страдальцам одними лишь бумажными резолюциями, которым пьяный Хрущев нашел не вполне пристойное, но единственно утилитарное применение.

Сколь же высок может быть кредит мировой демократии в демократических же в прошлом странах, выброшенных за Железный Занавес? Он может быть равен там только нулю. Политическое поведение польского народа на последних выборах подтвердило это. Полностью враждебный коммунизму польский народ, во главе с католическим духовенством, проголосовал за поддержку национал-коммуниста Гомулки, избирая в этом случае наименьшее зло. На добро же со стороны мировой демократии он не возлагал уже никаких надежд, будучи научен этому неоднократным горьким опытом.

Рассмотрим теперь, сколь высоко стоит кредит демократических правительств в самих свободных демократических странах, кредит, так называемых, "народных избранников" в глазах их же избирателей. Множество массовых выступлений в пользу помощи венгерским повстанцам произошло почти во всех странах свободного мира: толпы горожан громили помещения коммунистических организаций и редакций коммунистических газет, досталось и некоторым советским дипломатическим представительствам; портовые грузчики отказывались грузить пароходы восточного блока, интеллигалы Англии, Франции, Италии и других стран, даже коммунизированных в их недавнем прошлом, во весь голос выкрикнули слова протеста против насильников, аггессоров и узурпаторов; итальянская и французская компартии раскололись и из них вышли сотни тысяч их членов; английская компартия, кажется, попросту сдохла от охватившего ее худосочия... Все эти явления не что иное, как голоса избирателей, требующих определенных действий со стороны своих избранников. Но эти избранники ни в какой мере не хотят выполнять волю своих избирателей, то-есть народную волю. Они предпочитают выполнять веления иных групп и лиц, служить их эгоистическим торгашеским целям, но не тем идеалам, службой которым требуют сами народы. Сколь высок может быть кредит подобных демократических правительств среди управляемых ими народов? Думается, что немногим выше нуля.

Ну, а Россия. Молчаливый сфинкс, слова которого услышать мы не можем?

Если счет стран-сателлитов с мировой демократией начался сравнительно недавно, примерно, со Второй Мировой войны, то у национальной России тот же счет много длиннее. Не будем делать экскурсов в дореволюционное прошлое, но бегло, кратко перечислим лишь то, что ставит на счет мировой демократии современный молодой русский человек. От доживающих свой век дедов он слышит о версальском предательстве великой, богатой России мировыми демократиями, об их измене и тоже предательстве первых борцов против коммунизма — Белых Армий. От своих старших братьев, насильно возвращенных в советскую каторгу влассовцев, слышит о том же... О том же рассказывают ему насильно репатрированные "остовцы" и просто бежавшие из СССР вместе с немцами. Слышит он и об охоте на русские черепа, которая велась в странах свободных демократий, и о гнусном подхалимаже к ненавистному для всех россиян Сталину, о попытке купить ценой крови и пота русских трудящихся пресловутое существование, то-есть сытую и обеспеченную жизнь демократических буржуициков... Добавим к этому еще ту умелую и порою острую, верную, хотя и одностороннюю, тенденциозную советскую пропаганду, разоблачающую подлинную торгашескую, нудную сущность современных коррупционных демократов... Ведь какой-то след от этой пропаганды остается в политическом соз-

М. М. Спасовский

Беглец из советского рая

Читаю письмо от 5 апреля 56 года из Вены. Пишет русский человек, живший в Белграде, попавший там во время Второй Мировой войны в плен к красным, высланный ими "на родину" и не давно чудом вырвавшийся на свободу:

— "В конце лета 55 года, по отбытию десятилетнего срока в заполярных концлагерях в Коми АССР, вырвался в Австрию... Много я хлебнул горяшка в СССР, — в письме и не опишешь. Возьми те книги Ив. Солоневича, да умножь те их на два, вот приблизительно и будет. Интересно было, поучительно, — настоящий советский университет! Так что у меня теперь вроде как ученая степень есть. Но только дорого она мне стоила. Испробовал всю гамму советских пыток и издевательств. Теперь я знаю, что такое голод, не европейский, а настоящий, советский, когда годами мечтаешь о корке хлеба! Это и в книге не опишешь. Только испытавший поймет!"

И дальше в том же письме: — "Но зато видел в СССР и чудесных людей. Их тоже за границей среди иностранцев найти трудно. И знаю, теперь крепко, что жив Русский народ! Не удалось советским мерзавцам его искалечить, — свернет он им голову!.."

И еще: — "Там, в Заполярье, какая красивая природа!"

Краски такие бывают, что если бы не видел сам, то никогда бы не поверил. А люди?! Вот уж неограниченные возможности, от самого отвратительного падения до высочайшего взлета! Насмотрелся я сам всего: и как людей за кусок хлеба убивают, и как сами себе руки и ноги топором рубят, и как последний кусок товарищу отдают! А тайные богослужения в каменоломнях или угольных шахтах! Сам исповедывался и причащался в 4,30 утра в "кабинете" врача. Шопотом служилась литургия, прямо из первых веков христианства картины!.."

Такова советская действительность в описании человека, всего лишь полтора года тому назад вырвавшегося из СССР. Мрачная действительность, — поистине каторжная. И что, действительно, радостное в этой действительности это то, что русский народ жив. Не сломил его окающая злоба красных, — и в этой стойкости Русского народа лежит единственная надежда на освобождение его от цепей осуществленного социализма.

Отрадно и то, что в данном письме мы находим веское подтверждение наших утверждений, что кремлевские сапраны окружены ненавистью поработанных ими народов и что эта ненависть ныне уже вырывается наружу. И есть все данные видеть, что эта ненависть теряет чувство страха перед красными, что она растет и что неизбежен открытый взрыв всенародного и все сметающего гнева.

Господи, — когда же все это догадываются понять и рассмотреть "великие демократии, стоящие на страже свободного мира и достоинства человеческой личности?!" Когда же эти самые "демократии" осознают, что спасать коммунизм своим сосуществованием с ним равносильно и для них и для всех самоубийству?! М. М. Спасовский

нании российских масс. Ну? Каков же кредит свободного демократического мира в поработанной России, а следовательно и в той, которая возродится при ее освобождении собственными силами? В этом случае, пожалуй, нельзя будет ставить даже нейтральный арифметического знака нуля, а придется применить алгебраическую отрицательную величину.

Борис Ширяев

3-го марта с. г., в 4 часа дня, на кладбище Сан Мартин будет совершено освящение надгробного памятника на могиле

Лейб-гвардии Стрелковой Артиллерийской бригады

капитана

АНДРЕЯ РАФАИЛОВИЧА

САВЕЛЬЕВА-РОСТИСЛАВИЧ

о чем извещают: вдова и родственники покойного, Союз бывш. Российских Императорских кадет в Америке, Отдел Союза бывш. воспитанников Императорского Училища Правоведения в Аргентине, Отдел Союза Пажов в Аргентине и Союз Русских Белых Военных Инвалидов в Аргентине.

Н. Потоцкий

Мужицкие стоны

У кого из нас в юности не сжималось сердце от горькой боли сострадания к несчастному русскому крестьянству, когда мы читали и заучивали наизусть волнующие стихи "певца русской скорби" Некрасова:

"Укажи мне такую обитель,
Я такого угля не видал,
Где бы сеять наш и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал..."
А теперь я искренне сожалею, что не

верю в спиритизм и не могу вызвать духа этого пламенного мужиколоубца (который, если не ошибаюсь, до манифеста 19 февраля 1861 года своих крестьян все же не освободил) и сказать ему: "Эх, уважаемый Николай Алексеевич! Сознайтесь, немало вы все-таки пригнули! Почему это вы таких углов не видели, а другим это удалось? И интересно, что видели они этих совсем не стонущих мужиков, как раз в тех самых краях, где вы только и видели, что "горе народное!" Ведь до того Заволжья, которое с таким знанием его мужицкой жизни описывает в своем романе "В лесах" П. И. Мельников-Печерский, рукой подать от того Приволжья, где вы так плаксиво хныкали над "долюшкой русской"... И вот, что мы читаем в первой главе вышеуказанного романа:

"Живет заволжанин хоть в труде, да в достатке. Сызстари за Волгой мужики в сапогах, бабы в кофтах. Лаптей видом не видать, хоть слыхом про них и слышано. Разве где такой дедушка есть, что с печи уж лет пятак слезает, так он, скуки ради, лапотки иной раз ковыряет, нищей братье подать, либо самому обуться, как станут его в домовину обрывать. Таков обычай: летом в сапогах, зимой в валенках, на тот свет в лапотках..."

Заволжанин без горячего спать не ложится, по воскресным дням хлебает мясное, изба у него пятнистая, печь с трубой... чистота какая в заволжских домах!.. Славят немцев за чистоту, русского корят за грязь и неряшливость. Побывать бы за Волгой тем славильщикам, не то бы сказали. Чисто, опрятно живут заволжане.

Волга рукой подать. Что мужик в неделю нарабатывает, тотчас на пристань везет, а поленится — на соседний базар. Больших барышей ему не нажить; и за Волгой не всяк в тысячники лезет, зато, как ни плоха работа, как работников в семье ни мало, заволжанин век свой сыт, одет, обут, и податные за ним не стоят. Чего же еще?.. И за то слава Те, Господи!.."

— Все это может быть, — скептически покривятся поклонники слезоточивой некрасовской музыки, — а вот поехали бы вы в средне-русскую деревню, тогда увидели бы настоящую бедноту и услышали бы настоящие мужицкие стоны...

Ну, что ж, поедим и в дореволюционную средне-русскую деревню. В №№ 951-3 "Русской Мысли", в очерках Т. Чумакова "Народ-Мученик", читаем:

"Неказиста была одежда у орловских мужичков до революции. Холщевая самодельная рубашка, холщевые крашенные штаны — у мужичков. Холщевая рубашка и ситцевая юбка — у баб. Армяк из грубого самотканного сукна, сделанного из волы; полушубок из овчин. На ногах лапти из лык или чуни из веревки, зимою — теплые валенки.

Это была рабочая, повседневная одежда и обувь, дамашного изделия. А кроме самодельной, была обувь и одежда фабричного производства: ситцевые или сатиновые рубашки, брюки городского типа — у мужиков. У девушек и баб были сатиновые юбки, шелковые кофточки и платки. Почти у всех жителей деревни для воскресных дней были сапоги или ботинки. Это была праздничная одежда: в будни она бережно хранилась в сундуках и надевалась по праздникам. Отходники и зажиточные крестьяне ходили в кожаной обуви и в будни.

Прежде, в доколхозном орловском селе, пища крестьян была самая простая, неприхотливая. Но мужички имели ее достаточно и были сы-

ты. Никто в селе не голодал. Мясо крестьяне ели только по праздникам, да в страдную рабочую пору. Рыбы, фруктов, сахару могли покупать недостаточно: это было для крестьян дорого.

Но хлеба мужички ели вдоволь, без всякой нормировки и ограничения. А во время завтрака и обеда на столе была наложена целая гора нарезанного крупными кусками хлеба. Коврига хлеба лежала всегда на столе. Каждый член семьи или батрак мог в любое время, когда ему есть захочется, отрезать себе краюху хлеба, или, как шутили в деревне, "кусочек с коровий носочек". Ребятишки особенно охотно пользовались этим правом: часто их можно было видеть на улице с куском круто посоленного хлеба в руках. Об измерении хлеба граммами в доколхозной деревне и не слышали. Рожь измеряли пудами, а печеный хлеб — не граммами и фунтами, а ковригами.

Никакой "хлебной нужды" в единичной деревне не было. За завтраком к картофелю добавляли сушеные грибы или соленые огурцы. К обеду подавали щи или суп, хорошо заправленные салом. Второе — картофель с яйцами или конопляным маслом. На третье — гречневая или пшенная каша с молоком. Все эти продукты мужики ели вдоволь, досыта, или, как говорили в деревне, "от брюха". А теперь, вспоминая об этих "харчах", колхозники глотают голодные слюнки и мечтательно говорят: "Вот было блаженство!"

Ну, а потом мужицкие стоны кончились. Воспитанные на Некрасове печальники о народных нуждах разрушили тот строй, при котором мужики были сыты, одеты и обуты, а затем, трусливо и позорно, отдали этих самых мужиков во власть тем, кто обещал дать "мир хижинам". И вот в тех же очерках Т. Чумакова видим такую картинку нынешней колхозной жизни:

"Однажды, когда в одной колхозной хате подали на стол обычный колхозный обед (свекольно-капустный борщ, ничем не заправленный — ни маслом, ни салом, и с картошкой вместо отсутствующего хлеба), приехал знакомый — городской гость, который тут же был приглашен к обеду.

Гость достал дорожную колбасу из своего чемоданчика и разделал ее на две части: одну половину дал больной хозяйке дома, которая лежала в постели, а другую положил на стол, для остальных членов семьи.

Семья была большая, кусок колбасы невелик. Члены семьи посоветовались, как целесообразнее использовать колбасу. Решили нарезать ее мельчайшими кусочками и положить в борщ, чтобы "подкрасить" его.

Приступили к еде. "Подкрашенный" борщ все ели жадно, с большим аппетитом и удовольствием. Глаза блестели, все улыбались, радостные, возбужденные и хвалили "чудесный борщ".

Особенно страстно его расхваливал глава семьи, бывший раскулаченный.

— Как колхозы повстали, — с тех пор мясной крошки во рту не было — говорил он — С той поры не видели мы ни мяса, ни сала, не едали уж мясного борща. А теперь вот Бог послал, даже колбаски покушать привелось. На век запомним. Вот так борщ! Что за расчудесный борщ!

Он запнулся, придумывая сравнение. И закончил восторженно:

— Одним словом, настоящий... царский борщ!"

Воображаю, с какими колебаниями в своей республиканско-демократической совести г. Водов пропустил к печати статью в своей газете слова, дышащие столь явной монархической пропагандой! И хочется нам спросить его: не променял бы нынешний, не по-некрасовски, а по-настоящему стоящий русский мужик все "нетленные ценности" великоколхозно-демократического февраля вот на этот самый российский царский борщ?

Н. Потоцкий

Михаил Бойков

БИТЬ ТРЕВОГУ!

Офицеры и солдаты советской армии, сражавшиеся на стороне венгерских повстанцев против коммунистических нацистов, а затем перешедшие границы Австрии и Югославии и там интернированные, окружены сейчас тайной. Сколько их? Где они? Предоставлено ли им право политического убежища? Что с ними будет дальше? Мировому общественному мнению и российской эмиграции это неизвестно.

Для чего такая тайна, такая конспирация? От кого она? От советского правительства? Вряд ли. Оно лучше, чем кто бы то ни было, знает, сколько советских офицеров и солдат перешло на сторону оставшихся венгров и где они находятся; шпионаж у него достаточно развит. Тогда, от кого же скрывают, от кого конспирируют? От мирового общественного мнения и российской эмиграции? Чтобы не будоражить, не волновать их? Это вполне вероятно. И за этим могут скрываться, — мягко выражаясь, — очень некрасивые причины.

Но, может быть, окружение тайной советских перебежчиков производится из соображений охраны их безопасности? Сомнительно. Гораздо безопаснее для них было бы перебраться за океан. Да и появление их в Америке активизировало бы здесь борьбу против коммунизма.

Однако, офицеров и солдат советской армии, боровшихся за освобождение Венгрии от коммунизма, из Австрии и Югославии не вывозят. О возможности их вывоза даже ничего не пишут и не говорят. Некоторые из них четвертый месяц томятся в австрийских и югославских лагерях для интернированных, не зная ничего о своей дальнейшей судьбе.

Западный мир для венгерских беженцев кое-что сделал и делает. Приютить их у себя согласились 26 американских и западно-европейских стран. Эти же страны снабжают венгерских беженцев, размещенных в Австрии, Западной Германии и Югославии, деньгами, продуктами питания, теплой одеждой, бельем и медикаментами. Государственные деятели Америки и Европы не один раз выступали с речами, призывая население своих стран помогать венграм. В декабре прошлого года президент Айзенхауэр подписал распоряжение о допуске в САСШ 21.500 венгерских беженцев; 6-го декабря 1956 года он же заявил, что 15.000 венгров будут перевезены туда на самолетах; правительства Англии, Франции и Канады сообщили Международному Красному Кресту, что их страны примут к себе на жительство неограниченное число беженцев.

А что сделано для интернированных русских? О них в мире сейчас молчаливо почти гробовое, в котором таится большая опасность. Вполне понятно, почему молчат коммунистические газеты и радио. Шайка интернациональных разбойников, засевавшая в Кремле, боится довести до сведения населения СССР и его сателлитов факты перехода советских офицеров и солдат к оставшимся венграм. Американские, западно-европейские, азиатские, африканские и австралийские газеты, журналы и радио, сообщив своим читателям и слушателям об этих фактах в коротких (часто противоречивых) заметках, теперь замолчали тоже.

Российский Политический Комитет в Нью-Йорке установил, что только в одном австрийском лагере содержится более тысячи бывших военнослужащих советской армии. А разве там один такой лагерь? Американский Комитет Освобождения от большевизма имеет сведения, что в Югославии интернировано также свыше тысячи советских офицеров и солдат. Большинство же американских газет опубликовало преуменьшенные цифры интернированных русских: от 200 до 300 человек. А газета "Нью-Йорк Таймс" недавно писала, что в Австрии находится только семь советских солдат, перешедших границу из Венгрии. Весьма странна "неосведомленность" этой газеты, имеющей своих корреспондентов в Венгрии, Австрии и Югославии; газеты, лозунг работников которой: "все видим, все знаем".

Кому нужны и выгодны подобные противоречия, умолчания и преуменьшения? Никому, кроме коммунистов,

их попутчиков и соучастников с ними.

Советское правительство негласно, но успешно нажимает на правительство австрийское, требуя выдачи интернированных "советских граждан". Их советские обвиняют, по давнишней своей привычке, не только в дезертирстве, но и в уголовных преступлениях. Политическое положение и обороноспособность Австрии таковы, что ее правительство может и не выдержать коммунистического нажима. А на Тито и нажимать не нужно. Хрущев, Маленков или Жуков ему всегда были и будут ближе, чем любой антикоммунист в мире.

Отношения между Москвой и Белградом теперь несколько, — и, повидимому, только временно, — ухудшились. Что произойдет, если они, как это уже было, улучшатся снова? Не преподнесет ли Тито кремлевцам, в виде "дружеского подарка", тысячу русских голов? На это он, как коммунист, вполне способен. Для подтверждения подобной возможности напомним о зловещем событии, происшедшем не так давно. В ноябре прошлого года, в некоторых американских газетах промелькнули короткие сообщения о том, что первые перебежчики из советской армии, перешедшие венгерско-югославскую границу, были "возвращены обратно". Титовская печать эти сообщения не опровергла...

Наши братья в Австрии и Югославии, боровшиеся за венгерскую и нашу свободу, находятся в большой опасности. Долг каждого из нас, политических эмигрантов и антикоммунистов, попыаться спасти их. Отодвинув в сторону наши политические и прочие разногласия, попробуем воздействовать на мировое общественное мнение. Помочь нам в этом обязана и венгерская антикоммунистическая эмиграция. Если мы дружно возьмемся за дело спасения интернированных русских, то сможем добиться успеха.

Нужно без промедлений бить тревогу. Вывать к мировому общественному мнению. На митингах и в газетах, в письмах к правительствам и государственным деятелям западных стран требовать освобождения наших братьев, предоставления им права убежища и действительной охраны их безопасности. Приложим все усилия, чтобы не допустить повторения кровавых времен Лленина и Римини.

Громче бейте тревогу! Так, чтоб мир услышал ее. Интернированные русские воины должны быть спасены!

Михаил Бойков

В з н о с ы в "Фонд Великого Князя Владимира Кирилловича" принимаются редакцией "Нашей Страны" и всеми ее представителями на местах.

КНИГА-ПОЧТОЙ

Самый большой выбор старых и новых книг. Высылаю книг в провинции и другие страны. Продажа книг по вторни, четв. и субботам от 18 до 21 час. Телефон 758-0045 (звонить только в указанное время!). Пересылка книг за счет заказчика. Трейбуйте каталоги. Заказы и письма адресовать Miguel Tamarzeff, Casilla de Correo No. 4, Villa Ballester, F.C.N.G.B.M. Argentina.

1. История русского масонства. Том 1. — 45 п. (3 долл.)
 2. История русского масонства. Том 2. — 45 п. (3 долл.)
- Отдельные издания напечатанных в 1 и 2 т.т. "Истории русского масонства" материалов:
1. Иванов, Тайны масонства — 16 песо (0,75 долл.).
 2. Б. Башнилов. Тишайший царь и его время. — 15 п. (1 долл.)
 3. Б. Башнилов. Робеспьер на троне (Революция совершенная Петром 1 и ее исторические результаты) — 30 п. (2 дол.)
- Гюго. — Собор Парижской Богоматери. 48 п.
- Э. Распэ. — Приключения Мюнхазенца. 24 п. 60 ц.
- Эвфрат. — Приключения Гулливера. 27 п.
- Фен. Купер. — Следопыт. 374 стр. 45 п.
- И много других книг классиков, для детей и по технике.

